

Старообрядческие общины Кировской области в годы Великой Отечественной войны

И. Ю. Трушкова¹, Е. И. Титова²

¹доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-2944-2446. E-mail: trushkova@vyatsu.ru

²кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: usr067099@vyatsu.ru

Аннотация. Новые ракурсы рассмотрения истории России выявляют пробелы в разных хронологических периодах и таксономических уровнях местности, в том числе локусах, в плане освещения истории повседневности и в кризисные/военные времена. История старообрядчества в российской глубинке в годы Великой Отечественной войны призвана устранить ряд пробелов в региональной истории. Цель работы – собрать материалы и реконструировать картину повседневности старообрядческих семей в Кировской области в 1940 – начале 50-х гг., выявить модели поведения людей на фронте и в тылу, а также состояние религиозной аскезы. Предмет исследования – локальная история старообрядческих общностей на примере Афанасьевского (Зюздинского и Бисеровского) района Кировской области в данный период.

На основе практически сплошного этнографического обследования современных мест жительства старообрядцев в Афанасьевском районе Кировской области выявлено, что в предвоенные, военные и первые послевоенные годы в этом крае среди прочих выявляется модель воспроизводства трудовых, семейных и общинных отношений, свойственная выходцам из старообрядчества. Благодаря религиозной аскезе работала система преодоления хозяйственных трудностей. Религиозность, особая внутренняя дисциплина помогала людям в «трудности» в тылу и на фронте.

Записанные воспоминания и биографии родственников, живших в годы войны, выявляют особенности системы преодоления трудностей, поведенческие технологии и специфику локальной микроистории, истории колхозов, истории личностей и т. п.

Область применения результатов – сфера образования, науки, культуры, этноконфессиональной и молодежной политики, гражданского общества.

Ключевые слова: героизм на фронте, трудничество в тылу, латентное воспроизводство религии, антикризисные поведенческие технологии в 1940 – начале 1950-х гг.

Актуальность. В настоящее время в исследованиях истории повседневности/микроистории актуализируются вопросы семейных ценностей как одной из непреходящих основ жизни российского общества, их воспроизведение оказывает влияние на состояние духовности и экономико-хозяйственной ситуации, в том числе даже в малых, сельских территориях. Общеизвестно, что в старообрядчестве к институту семьи всегда было воистину святое отношение. Из поколения в поколение предавались религиозные традиции, эффективным было трудовое воспитание, поддержка родни и общины, четким было восприятие и распределение гендерных различий. Немало испытаний выдержало староверие и до 1917 г., и в советский период. Отдельные стороны истории старообрядчества в Вятском регионе в XX в. представлены в ряде работ [6, с. 116–119; 11, с. 173–183; 8, с. 68–75]. Однако на сегодняшний день не полностью изучена история старообрядческих семей в регионах в годы такого сурового испытания, как Великая Отечественная война.

Цель работы – реконструировать этноконфессиональную ситуацию в предвоенные, военные и первые послевоенные годы на территории современного Афанасьевского района Кировской области, проанализировать мотивы при преодолении трудностей, степень воспроизводства религиозных и традиционных ценностей. Афанасьевский район в плане изучения темы представляется достаточно репрезентативным для Кировской области вообще, т. к. на его территории исторически обнаруживаются главные согласия в староверии, а также существенная степень сохранности данного явления. В качестве научного предположения можно рассматривать обозначение общего и особенного в их конкретных проявлениях на примере этнографии, истории повседневности отдельного локуса.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке исторической модели поведения групп населения в экстремальных ситуациях, устранении пробелов в локальной истории в определенные периоды XX в.

Методы исследования включают так называемое «включенное наблюдение», сравнительно-исторические построения, обработку некоторых музейных и архивных данных по этноконфессиональной истории. Причем под архивными этнографическими источниками традиционно подразумевается комплекс этнокультурной информации, собранный в экспедиционных условиях и именуемый «полевыми материалами автора» (ПМА). При реконструкции повседневности активно используется прием так называемого «пространного цитирования» из ПМА, которое в антропологии используется для большей объективности и для демонстрации деталей повседневности. Именно такой подход приводит к определенным результатам. К академическим исследованиям темы активно привлекались члены религиозной общины в рамках работ по проекту-победителю в Конкурсе Президентских грантов 2020 года (№ 20-1-029804 «Старообрядческие семьи в годы Великой Отечественной войны: краеведческие исследования в воскресной школе местной общины РПСЦ»). Изучение военных лет, поведения человека во время военных деструкций этнографическими/антропологическими методами способствует выявлению новых ракурсов в повседневности [5; 7, с. 24–30; 10, с. 24–29].

Результаты. Известно, что старообрядчество активно распространилось на территории современного Афанасьевского района Кировской области еще в XIX в., причем как поповского, так и беспоповского толков [13, с. 247]. Характерные группы верующего населения – русские и зюздинская группа коми-пермяков. Ныне, в первые десятилетия XXI в., старообрядчество соотносится с несколькими сельскими/деревенскими округами, среди которых – дд. Кувакуши, Илюши, Савинцы, Рагоза и некоторые другие.

Практически сплошной опрос членов религиозных сообществ выявил важную историческую информацию по массовым, каждодневным подвигам на фронте, преодолении трудностей в тылу. Типичные примеры заключаются в следующих воспоминаниях и биографиях.

Мария Афанасьевна Сидорова родилась в деревне Полячёвы Афанасьевского сельского совета в 1917 году. После окончания третьего класса пошла помогать колхозу. В 1924 г. ей исполнилось 24 года, а в конце 1942-го пришла повестка на фронт. Полк был отправлен на охрану Мурманска и Мурманского порта. Задачей девушек было освещение прожекторами вражеских самолетов, а соседние батареи вели по ним обстрел. Марию назначили старшим прожектористом, ее место – на посту управления. Девушки изучали устройство прожекторов, должны были хорошо знать устройство винтовки, учились разбирать ее и собирать, учились определять типы немецких самолетов. Они строили землянки.

«Когда приехали на Север, мы впервые увидели, что такое полярная ночь, узнали, что такое бомбежка... Конечно, было страшно, хотя и не на передовой, но чувствовали фронт – он проходил от нас в километрах 30-ти».

На фронте погиб старший брат Марии. От мужа она получила всего одно письмо, написанное им по дороге на фронт, не знает, где он воевал, где похоронен.

За отличную службу ей присвоено звание ефрейтора. Имеет она и медали – «За победу над Германией», «За оборону советского Заполярья», Орден Отечественной войны II степени и другие награды...» [12, л. 5].

Еще один сюжет: «Русских Афанасий Филиппович (18.07.1908–12.03.1971) родился в деревне Архипята Зюздинского района Кировской области в многодетной семье. Учился в церковно-приходской школе, получил образование четыре класса. Участвовал в Финской войне, получил ранение. У Афанасия Филипповича на глазу было бельмо, и он плохо видел. По этой причине сначала его на войну с немцами не брали. Но в 1942 г., когда наши войска несли большие потери, Афанасий Филиппович был призван Бисеровским РВК в действующую армию. Дома осталась жена с пятью детьми. Позднее она родила еще одну дочку Галину и умерла. Дети остались без родителей. Тогда Бисеровский РВК, вследствие тяжелого семейного положения, стали ходатайствовать, чтобы Афанасия Филипповича отпустили домой, к детям».

Из воспоминаний об отце сыновей Николая и Сергея: «Служил отец (Русских Афанасий Филиппович) под командованием маршала Жукова. Когда взяли немцев в плен, папа видел фельдмаршала Паулюса, из-за плохого зрения папа служил в хозяйственном взводе на лошади. Подвозил военно-полевую кухню, воду для бойцов. Часто приходилось собирать раненых и убитых с поля боя. В одном из боев его ранило в плечо. Папа лежал ничком на земле и плакал,

то ли от боли, то ли от того, что остался жив. Он участвовал в Сталинградской битве. Шли очень тяжелые бои, потери несли обе стороны. Трупы погибших лежали вперемежку, как снопы, стеной по всему полю. И когда папа поехал собирать раненых бойцов, вдруг колесо телеги зацепило немецкую руку, которая не давала ехать дальше, спасти раненых бойцов РККА. Отец взял топор и отрубил немцу руку. Еще вспоминал об одном трогательном случае. Когда вели немецких военнопленных, вдруг один немец попросил кусочек хлебушка, и папа не пожалел для него хлеб. В знак благодарности немец снял шинель и хотел вручить отцу. Афанасий Филиппович не взял, отказался, сказал: «Если возьму, меня убьют наши!». Показательно, что в боях красноармеец противника не щадил, а к пленённому, поверженному врагу проявил некоторое милосердие. Пространное цитирование воспроизводит мириады важных деталей повседневности военного времени.

В Афанасьевском районном краеведческом музее хранится Наградной лист на Трефила Тихоновича Порубова, 1911 года рождения, рядового секретного подразделения, выполнявшего работу наблюдателя НП в НОС 59 Отдельной армейской роты ВНОС. В представлении к награждению медалью «За отвагу» значится, что он, «участник Отечественной войны в борьбе с немецкими захватчиками с июня 1941 года, призван Бисеровским РВК». В разделе «Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг» отмечено, что «тов. Порубов как наблюдатель поста в НОС выполнял службу бдительно, с отличным знанием порученного дела. Правильно опознавал появляющиеся цели самолетов противника, своевременно и точно доносил о них на главный пост армии. При наведении или исправлении порывов проводной связи проявил исключительное спокойствие и быстроту действий, выполняя задания в заданный срок. Исполнительный, верный защитник Советской родины, достоин награждения медалью «За отвагу». Командир 59 Отд. арм. роты Внос ст. лейтенант роспись / Иргуганов /. 19 июня 1945 года. Круглая черная печать 59-й Отдельной армейской роты ВНОС».

Среди афанасьевских староверов были и те, кто боролся за блокадный Ленинград, освобождал западные регионы СССР, страны Европы. Василий Януарвич Русских, дата рождения – 9 мая 1914 года, воевал в Ленинграде. И в старости он не мог спокойно вспоминать блокаду, голод, отсутствие хлеба. По воспоминаниям детей, он сильно расстраивался, когда его спрашивали про войну, мотал головой и со слезами на глазах говорил, что хлеба уже в осажденном городе и не знали. Только после прорыва блокады стали «вспоминать хлеб». «И вот, когда папа был на посту 9 мая, услышал, что музыка заиграла и подумал откуда музыка? И когда объявили, что война закончилась, подошел к нему командир, видимо, посмотрел в документах про день рождения Василия Януаровича, и сказал, что теперь 9 мая тот будет два праздника отмечать». Есть и такая память: «...дедушка Порубов Давыд Ксенофонтович до Берлина дошел, там победу встретил» [12].

Боевые подвиги, история известной в крае военной династии Русских описаны родственниками [4]. О подвигах на фронте Николая Евгеньевича Порубова, Данилы Калиновича Порубова и других уроженцев Афанасьевского края говорят наградные документы, фотографии, личные вещи в Илюшевском сельском школьном музее.

Лишения, аскеза, отданная во имя победы жизнь – все это воспринималось как испытание, необходимость во имя продолжения мирного, созидательного воспроизводства родной культуры. Известно, что на фронт только из Н.-Носковского сельского совета ушли 144 человека, вернулись живыми из них всего лишь 23. Тридцать девять Артемихиных из Савинцев, Илюшей, Кувакушей ушли на фронт. Двадцать три человека из них родились не позднее 1923 г.; они пропали без вести в 1942–1943 гг., остальные погибли и захоронены в Сталинграде, Смоленской, Калининской, Кировоградской, Ленинградской областях, Польше и т. д. [2, с. 249–251]. Сходную картину выявляет анализ судьбы ушедших на фронт с другими фамилиями.

Показательно, что уходивших на фронт выходцев из старообрядчества обязательно благословляли родители, смотрели, чтобы новобранцы уходили с нательными крестами, они сами про себя на фронте, и их родственники в тылу молились о здравии, возвращении воинов и о победе. Некоторые верили, что именно крест спасал их. В этой связи как поучение выглядит рассказ, когда «староверческий крест помог бойцу вернуться с фронта. Но вот оказия! – по приезду он пошел в натопленную баню, снял крест из-за жара, вышел из бани в прохладу без креста, наткнулся на топор, рана загноилась и оказалась смертельной» [12]. Урок явно просматривается: нательный крест оберегает человека везде.

Тяжелые испытания преодолевали женщины, старики и дети, оставшиеся в тылу, в данном случае – в разных деревнях тогдашних Зюздинского и Бисеровского районов Киров-

ской области. Показательная судьба труженицы тыла, жены участника Великой Отечественной войны Мокея Евстегнеевича Белева Аксиньи Пахомовны Белёвой (1910–1955). «Семья жила в дер. Наумовская Ново-Носковского сельского совета Зюздинского района Кировской области. До войны семья жила своим хозяйством: огород, корова, другая живность позволяли содержать семью. После ухода мужа на фронт все работы дома и в колхозе легли на плечи Аксиньи Пахомовны. С утра и до вечера на работах в колхозе, а еще нужно было управиться и с домашними делами: истопить печь, накормить, напоить скотину, подоить корову, детей накормить. Старшему сыну Леониду было восемь лет, остальные еще младше.

Вернувшись после войны домой, муж Мокей стал работать кузнецом в колхозе имени Ленина. А так как кузнец в колхозе был один, то его ценили и больше никуда не посылали. Он очень нужен был в колхозе: подковать лошадей, выковать детали к телеге, косилке, к саням, различные детали к мельнице, металлические скобы, петли на ворота и др. Поэтому его жену Аксинью Пахомовну от колхоза в зимний период посылали на лесозаготовки. Где-то три зимы подряд она жила в бараке и работала на лесоучастке Ждановка. Бригаде приходилось вручную пилить и рубить лес в делянках, обрубать сучья, а потом бревна вывозили на лошадях в Песковку.

В это время по хозяйству дома управлялся Мокей Евстигнеевич. Помощником был уже 12-летний сын Леонид. Сын помогал ему в кузнице. Без матери было очень трудно. Дети нуждались в заботе, и за скотиной надо было ухаживать. Поэтому чаще всего ребяташки пили молоко с лепешкой. Молоко оставалось, из него получали сметану, масло. Каждая семья обязательно должна была сдать государству 9 кг масла, мясо, шерсть, лук. Мокею платить было нечем. И у них со двора увели корову в счет долга. Так, непосильный труд вдали от дома сопровождался беспокойством за оставленные дома семьи, переживаниями за детей. Аксинья тосковала, переживала. Время было очень тяжелое. Аксинья Пахомовна летом вместе с другими женщинами ночью при луне молотила зерно на гумне, чтобы уже утром отправить подводу на фронт. На работу, с работы ходили с молитвой, так как в то время она была «символом» жизни, помогала дожить до победы.

Летом, в сенокосную пору траву скашивали вручную. Подростки сгребали сено, носили копны. Самыми тяжелыми, голодными были 1946–1947 годы. Но люди находили силы трудиться не покладая рук. За счет напряженного труда народ восстанавливал разрушенное. Колхозники занимались заготовкой леса; весной – сплавом древесины, летом выполняли полевые работы.

Аксинья Пахомовна от изнурительного, тяжелого труда заболела и вскоре умерла. Ей было тогда всего 45 лет. Младшей дочке (пятый ребенок в семье) был годик. И снова Мокею пришлось одному воспитывать детей, хотя он продолжал работать в кузнице, с восхода солнца и дотемна, не считаясь со временем... Похоронена Аксинья Пахомовна на кладбище в Савинцах» [12]. Постоянно имея дело с книгами, записями духовных стихов и другими текстами, старообрядцы без особого труда составляют письменные варианты жизнеописаний своих родственников. Именно «пространное цитирование» выявляет мириады исторических и этнокультурных штрихов в повседневности, манеру речи, реконструирует не «раздерганную» на мелкие выдержки историю конкретных людей.

Показательная судьба и другого жителя – Матвея Васильевича Казакова (1883–1980 гг.). Судя по записанным воспоминаниям о нем его родных, он родился и жил в дер. Ключевской Н.-Носковского сельсовета Бисеровского р-на Кировской области. Матвей Васильевич – участник I Мировой войны (1914–1917 гг.), участвовал в боевых действиях в Австрии. Во время Великой Отечественной войны трудился в тылу, а также был священнослужителем-старообрядцем.

«Всю свою жизнь Матвей Васильевич с семьей прожил в деревне Ключевская Бисеровского с/с. Основателем этой деревни был его дед Григорий. В конце XVIII в., отслужив в армии 25 лет, Григорий получил от царицы Екатерины II за его службу бумагу-документ (дарственную) на вечное пользование землей. И вот в этом месте, около ключа (родника) он поселился, построил себе дом. По прибытию на место он увидел густой лес. “Кругом лес и одна дырка в небо”, – приговаривал Григорий. Деревня стала называться Ключевская. Из воспоминаний родственников: “И вот в 1914 году началась Мировая война, в которой участвовало и наше государство. Матвея направили на фронт. Сразу после призыва на войну у жены Александры родился сын Денис, а Матвей Васильевич, находясь в Австрии, попал в плен. До сих пор сохранилось письмо, отправленное домой из Австрии. Пока Матвей был в плену, учился там в семинарии, где научился старославянскому церковному языку, после войны вернулся домой, в семье

появилось еще пятеро детей. Время было тяжелое: революция, гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война, религиозные преследования. И все это надо было достойно пережить, работать, растить детей.

Ближняя старообрядческая церковь находилась в Старо-Носках, недалеко от Савинцев. В этой церкви служил батюшка Андрей Русских. В 1936 г. туда ребенком носили крестить Дашу (ныне – Дарья Вавиловна), из деревни Власовская тайно ночью, под утро. Потом начались гонения, церковь разобрали, а последнего священника Андрея сослали и расстреляли (примерно в 1937 г.). Это подтверждается и другими источниками: «Русских Андрей Ильич, 1879 г. р., уроженец и житель д. Закултан Савинского с/с Афанасьевского (Бисеровского) района, русский, священник. 22 сентября 1937 г. особой тройкой при УНКВД по Кировской области по ст. 58, пп. 10, 11 УК РСФСР подвергнут высшей мере наказания. Расстрелян 27.09.1937. Реабилитирован 28.03.1989» [3, с. 67].

По воспоминаниям жителей известно, что и Матвей Васильевич был священнослужителем, он много крестил детей, причащал, благословлял ушедших на войну, проводил службы в домах в дер. Архипята, Власовская, Мальчата. «На великие праздники собирались глубокой ночью прихожане и у него дома. У Матвея для крещения была купель, кадило и другие приспособления, много церковных книг. Некоторые книги большие, тяжелые. Была еще книга в деревянном переплете с металлическими крючками. Детям не показывал, берег. Молитвы читали в основном ночью, когда дети спали. И по ночам тайно делали свечи из воска.

Матвей Васильевич работал в колхозе скотником на свиноферме, рабочим в поле. После войны также продолжал работать, хотя уже был в пенсионном возрасте.

Во время Отечественной войны и после нее 11 лет приходилось растить и воспитывать шестерых детей одному. Его жену Александру сослали в тюрьму за две горсти зерновых обмолотов, которые она завернула в фартук, чтобы накормить детей...» [12].

Афанасий Филиппович Русских, в 1943 году демобилизовавшись, работал председателем колхоза имени Ленина. «Шли трудные, голодные годы. Надо было восстанавливать народное хозяйство в освобожденных от врага территориях... В военные годы выращивали зерновые, лен, из семян льна получали масло. Весь выращенный урожай отправляли в хлебопоставки, а сами систематически не доедали. Афанасия Филипповича называли “жадиной” за то, что он не давал убирать колоски с поля. Но все равно его судили за растрату, в те времена люди очень голодали... Жили единоличными хозяйствами. Афанасий Филиппович содержал большое подворье. Позже раскулачили, все отобрали. От первой жены у него родилось шестеро детей: Леонид, Петр, Емельян, Семен, Елена и Галина. Так как первая жена умерла, он женился во второй раз, жену тоже звали Машей. Она родила четверых – Сергея, Анатолия, Валентину и Николая. У третьей жены детей не было. Когда образовался лесоучасток, Афанасий Филиппович пошел рабочим туда. Награды его не сохранились...» Передаваемое по наследству крепкое здоровье помогало выстоять в голодные годы, поддерживать семейство.

В рассказах старожилых сохранился эпизод об одном старике-старообрядце, которого еще в 1937 году арестовали за единоличное хозяйство, ему тогда было уже под 100 лет. С другими арестантами его отвезли в Киров, после допросов, с покалеченным здоровьем отпустили. Но уже никто отвезти его обратно домой не собирался. Он сам, пешком, в осенние холода дошел до своего Зюздинского района, какое-то время пожил, весной еще руководил посевной в своем хозяйстве и только потом занемог и умер [12, л. 11]. Привыкшие к постоянной аскезе и труду крестьяне являли образцы силы здоровья, хотя и не всегда.

Музейные материалы говорят о самоотверженной работе подростков в тылу. Деревенских ребят отправляли на заводы. Фабрично-заводское обучение прошло семь мальчишек и девчонок из Илюшей. Среди них:

- Артемихин Илья Семенович 1924 года рождения, с 1941 года работал на Омутнинском маслозаводе;
- Артемихин Игорь Семенович 1924 года рождения, с 1944 г. работал в Омутнинском ремонтном управлении;
- Порубов Геннадий Ефимович 1927 года рождения, был отправлен на завод в Черную Холуницу, там умер;
- Артемихин Александр Семенович с 1943 г. работал на заводе в Омутнинске,
- Артемихина Ирина Егоровна 1927 года рождения, с 1944 года работала на заводе;
- Порубова Елена Евстафьевна 1928 года рождения, с 1944 года работала на заводе;
- Порубов Анатолий Евстафьевич 1931 года рождения, с 1944 года работал на заводе.

Материалы Илюшевского сельского школьного музея свидетельствуют, что отсюда подростки, молодежь, молодые женщины были мобилизованы на трудовой фронт, на лесозаготовки всего – семь человек. Это – Порубова Анастасия Платоновна 1917 года рождения, Артемихина Мария Осиповна 1920 года рождения, Артемихина Фекла Деевна 1921 года рождения, Носков Роман Сергеевич 1928 года рождения, Порубов Ананий Савельевич 1928 года рождения, Артемихин Василий Михайлович 1924 года рождения и Порубов Игнат Максимович 1917 года рождения.

В записанных воспоминаниях есть такие строки: «Все колхозницы в годы войны осознавали, что им нужно было растить хлеб, детей и кормить страну – фронт и освобожденные районы. Старожилы вспоминают, что “в годы войны в жизни крестьян кроме самоотверженности была еще и жуткая бедность. Ели хлеб с клевером. Хлеб из амбаров выметался весь для сдачи государству, и крестьяне должны были питаться за счет домашнего огорода. Личное хозяйство все облагалось налогом. Платили и военный налог с каждого члена хозяйства. К тому же наши женщины должны были со своего скудного заработка перечислять в Фонд обороны зарплату, продовольствие и выкупать облигации, вязать и шить теплые вещи на фронт и т. д.”».

Характерный сюжет из локальной микроистории вырисовывается даже с манерой речи. В частности, родственница Валентины Максимовны Порубовой (дата рождения – 25.02.1933), жительницы д. Илюши, записала от нее такие воспоминания: «На фронт ушли у меня три брата: Максим, Антоний, Никита, все трое погибли. На Финской войне до этого погиб четвертый брат – Сидор. Такой де гармонист был. Мама все говорила, дед-то работал батюшкой, играть на гармошке грешно – бесей веселить, а Сидор на свадьбу или девичник уйдет, гармонист был, без разрешения уйдет. Придет, дед его так налупит, так налупит – Сидор в постеле лежит. Токо поправится – опять идет... Мой отец, Максим, ушел на фронт 29 августа 1941 года, мама (Ульяна Гавриловна) провожала его до Афанасьево... Братья отца Антоний и Никита пропали без вести. До сих пор о них ничего не нашли. Отец погиб под Смоленском в декабре 1941 г. Костя вот рассказывал князьинский (Константин Гудовских), они служили в одной роте. Отца, видно, ранило, он пулеметчиком был, ранило и ревел. Костя потом в письме писал: “Если письма нету, то и Максима нету”. В декабре месяце 40 градусов мороз был, он пулеметчиком был, может, кто подобрал его, а может...

Розыскные мама писала, так вот – погиб в декабре месяце, без вести... Больше ничё не знаю. Письмо только писал маме: “От коровы не отставай, а то очень тяжело будет. Как-нибудь держите корову”. Когда пошел в армию, тоже велел корову держать. Корову мы продержали. Тут в газете про корову прочитала, так я прослезилась. Отец у нас тоже так писал... В основном выжили те, у кого была корова.

В 9 лет я окончила первый класс, а потом, весной уж, боронила. Три месяца летом мы все работали. Василиса вот, Анна, Коля (брат и сестры) – все мы четверо боронили. И сенокос, и грести. Бабы, де, ругаются, в 10 лет, мы чё, какие ишо грабильщики. А Анна Мишиха все говорила: “Но вы ругаетесь, у вас ребята тоже ведь будут, так тоже ведь учить будете”. Раз посылают, дакчё. То загребать потом нас поставят, то топтать. Летом боронили, дак когда спать? Ночью работали, днем-то обводно. Мы ночью песни пели, чтоб не уставать. Филимон тут, старичок, говорил: “Вы спите ли, нет ли?” А когда спать-то нам? Утром рано надо ставить. Я потом уж заболела. Меня Анна Мишиха уж выручала. У нас хлеб-от не был, мы остались от отца-то, кому работать. Мама ежегодков таскала, нас тоже девятеро у мамы было. И я заболела. А кто лечил тогда? Никто не лечил...

Папа еще в 1940-м году в армию ушел, мы все думали где-то он? розыскные писали, пропал без вести, всё... Мама писать не умела, Лукся писала. А отцу письма не доходили пошто-то. Не получал он. А мы три письма от отца получили... Всяко же потом корову-то держали, ой-ой как. Сенокосить-то негде было. Тепленькую водичку вынесешь корове, пить, и где-то иву, да чё да наломаешь, да и все. Под зарод с мамой ходили, на саночках по насту собирали сено, где зароды оставались, где оверши, да чё да. Принесешь – все корова съедала. Рано тогда выпускали коров весной, счас долго не пускают, раньше и долго летом пастушили. Хлеб ведь обозы, обозы везли. Все на фронт. А куды хлеб девался? В газетах писали, мол, по письмам, что на девять человек одну буханку давали на фронте-то...

Налоги были. Яйца – 300 штук, надо накопить, масло – 9 кг, шерсть надо сдать, мясо надо сдать. “Мама, когда нас молоком-то накормишь?” – “Да вот 9 кг масла накоплю, потом”. А налог все равно надо платить. Некоторые покупали продукты, чтобы налог выплатить... Всяко было, всяко... Носить нече было, исть тоже. Утром встаем, мама уйдет косить, я ишо ма-ла была, траву надо собирать идти. Траву насобирам, да высушим, и в еду...

На трудодень ничё не давали в войну. Когда давали какие-то граммы, но совсем мало. За колосок-от садили. На Трубитане Гриша был, старичок, посадили, так и погиб. За колосок ведь! Загребай до колосинки, все загребай! Ходят уполномоченные, смотрят. Не дай Бог никому так-то. До 1947 года хлеб-от не был у нас в деревнях. Мама насеяли ячмень, да еще зеленоватый жала, повесила, пусть, говорит, сохнет, вот потом рукояткой (ручная мельница) мололи.

В 1953-м я за Мишу вышла, у них колхоз был, да почему-то хлеб-от в нем не был, а у нас колхоз богатый был, с хлебом. "Имени Сталина" назывался. Все деревни были отдельными колхозами: Трубитан, Рагоза, Илюши. Мало мужиков-то в деревню вернулись. Миша вот из плена пришел – так 40 кг весил. Тихон пришел контуженный, и Илья – братья Порубовы. А братья Афоня и Петя у них погибли...» [12]. Такие нарративы детально и реалистично воссоздают картину довоенного, военного и частично послевоенного времени в деревнях на вятском севере. В подобных текстах отражаются мировосприятие и чувства людей в те годы.

Опросы населения показывают, что День Победы в глубинке встречали радостно. С одной стороны, дети радовались, что в честь такого светлого дня их отпустили из школы. Все надеялись, что жизнь станет легче. Но женщины в деревнях ревели, что много мужчин погибло на фронте и они не вернутся в родные места. К примеру, в деревне Илюши вернулось с войны только 18 человек, погиб каждый второй. После войны вернулся и бывший председатель колхоза Семен Алексеевич Артемихин. Из илюшевской бригады колхоза им. Сталина он создал свой колхоз в декабре 1947 года под названием «Колос» и стал его председателем до 1950 года. В 1950 г. произошло объединение колхозов. Колхоз им. 1 Мая и «Колос» вошли в состав колхоза им. Сталина. Его председателем снова избрали односельчанина – Семена Алексеевича Артемихина. Экономические последствия войны преодолевались до начала 1950-х гг.

В годы советской власти, в том числе и в военные времена, религия, разумеется, воспроизводилась латентно. Старообрядческую обрядность не выставляли напоказ. Типичные зарисовки: «...моя мама всегда ходила с крестом на теле. Дома всегда были иконы в переднем углу, всегда ходила на исповедь и причащалась. Ездила в церковь в Омутнинск... Дома всегда молилась и просила бога о здравии всех детей, а нас у нее было шестеро...», «наша бабушка много знала песен, красиво пела. С детства водила хороводы со взрослыми, любую песню – или игрищную, или свадебную могла спеть, да и другие старинные. Никогда не жаловалась, со всеми была дружелюбна, жизнерадостна. И за все благодарила Бога. Когда не стала работать дояркой, то почти каждую ночь во сне видела коров. Ведь с маленьких лет проработала в колхозе дояркой. Они ведь все делали вручную, и доили, и поили, и корм разносили. Телят надо было выхаживать, сами пасли их (коров), да еще и домашнюю работу надо было исправить, сделать...» [12, л. 34]. Усердие, восприятие труда как трудничества видится и в отношении этой доярки к своей работе на ферме.

«Все от Бога», «Господь столько испытаний дает человеку, сколько он может выдерживать», «уныние – грех» – именно с такими вечными ценностями преодолевали трудности в тылу женщины, старики и дети из старообрядческих деревень. Разумеется, все религиозные обряды и воззрения воспроизводились латентно. Показательно, что в год 75-летия Великой Победы 9 мая 2020 г. с 9.00 (по сложившейся традиции) в местном, Афанасьевском, храме служилась панихида о павших воинах на полях сражений, о пропавших без вести и умерших от голода и болезней, а также о всех почивших ветеранах Великой Отечественной войны. «Всем защитникам Отечества дай Бог Царствия Небеснаго! Вечная память!!!» – написано на соответствующей странице в социальных сетях [1].

Обсуждение. Из региональных материалов известно, что старообрядцы отличались мужеством, стойкостью, героизмом на фронте, где силы им придавало среди прочего и тайное ношение креста, и молитвы. Их родители, жены, дети и внуки в тылу выявляли значительную аскезу при работе в колхозах, поддержании домашнего хозяйства, здоровья у детей и т. д. Известно, что у крестьянства накопился существенный опыт преодоления кризисов [9, s. 445–450]. Преодолевать лишения и выстоять в них им помогал особый опыт преодоления кризисов – выживание при притеснениях царской власти, потом – в годы атеизма. С молитвами в душе и проговариванием их люди преодолевали голод, утрату близких, в том числе и детей. Наблюдались особые системы выживания и особая мотивация к дальнейшему, после лишений, созиданию.

Заключение. В целом, рассмотренные линии поведения и воспроизводство культуры и ценностей небезынтересны в наши дни, достойны хотя бы частичного тиражирования. Особые молитвы за воинство страны, за людей в тылу были и от старообрядчества, представите-

ли которого всегда относились свято и к Родине – России, и к ее народу. Семейные и трудовые ценности в старообрядчестве прошли проверку в годы войны, положительные образцы героического поведения старших родственников на фронте и в тылу призваны внести дополнительный эффект в современную семейную и иную социализацию.

Список литературы

1. Афанасьевская старообрядческая община. URL: <https://vk.com/groups>.
2. Книга памяти. Т. 1. Киров : Адм. Кировской области, 1993. 720 с.
3. Книга памяти жертв политических репрессий. Т. 1. Киров : Кировская областная типография, 2000. 518 с.
4. Русских А. А. Семейный род Русских Вятского края с 1700 года: архивные материалы, воспоминания. С.-Петербург : Полиграфическое предприятие № 3, 2008. 392 с.
5. Сеняевская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М. : РОССПЭН, 1999.
6. Титова Е. И., Трушкова И. Ю. Особенности передачи культуры и мировоззрения старообрядчества молодому поколению в XX в.: на примере Вятского региона // Вестник гуманитарного образования. Педагогика. Психология. Право. 2016. № 1. С. 116–119. Elibrary ID: 26552378.
7. Трушкова И. Ю., Балыбердин Ю. А. Трансформация ментальности и этнического самосознания населения Вятской губернии во время Первой мировой войны: история инотерриториальных влияний // Вестник ВятГГУ. 2015. № 5. С. 24–30. Elibrary ID: 23923579.
8. Трушкова И. Ю., Титова Е. И. Книжность у старообрядцев Южной Вятки в 1920–30-е годы // Вестник гуманитарного образования. История. Филология. Культурология. 2019. № 2. С. 68–75. DOI: 10.25730/VSU.2070.19.022.
9. Трушкова И. Ю. Опыт преодоления экономических кризисов крестьянскими микроструктурами в российской провинции // Kryzysfinansowy. Т. 1: przebiegiskutkigospodarcze w EuropieiWschodniej. Lublin, 2012. S. 445–450.
10. Трушкова И. Ю. Повседневная история российской провинции в годы I Мировой войны (на примере северного вятского пограничья) // Вестник ВятГГУ. 2017. № 5. С. 24–29. Elibrary ID: 29711660.
11. Трушкова И. Ю. Этнопедагогика в культуре старообрядцев Вятского региона // Старообрядческий мир Волго-Камья. Проблемы комплексного изучения : сб. материалов. Пермь, 2001. С. 172–183.
12. Полевые материалы автора (ПМА), Афанасьевский р-н Кировской обл., март. 2020. Д. 1. Л. 5–34.
13. Фармаковский М. Раскол в северной части Глазовского уезда // ВЕВ. 1889. № 10. С. 247.

Old believers' communities of the Kirov region during the Great Patriotic War

I. Yu. Trushkova¹, E. I. Titova²

¹Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of history and political Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-2944-2446. E-mail: trushkova@vyatsu.ru

²PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of history and Political Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: usr067099@vyatsu.ru

Abstract. New perspectives on the history of Russia reveal gaps in different chronological periods and taxonomic levels of the area, including loci, in terms of covering the history of everyday life and in times of crisis/war. The history of the old believers in the Russian hinterland during the Great Patriotic War is designed to eliminate a number of gaps in regional history. The aim of the work is to collect materials and reconstruct the picture of everyday life of old believer families in the Kirov region in the 1940s–early 50s, to identify patterns of behavior of people at the front and in the rear, as well as the state of religious asceticism. The subject of the study is the local history of the old believers' communities on the example of the Afanasyevsky (Zyuzdinsky and Biserovsky) district of the Kirov region in this period.

On the basis of an almost continuous ethnographic survey of modern places of residence of old believers in the Afanasyevsky district of the Kirov region, it is revealed that in the pre-war, military and first post-war years in this region, among others, a model of reproduction of labor, family and community relations characteristic of natives of the old believers is revealed. Thanks to religious asceticism, the system of overcoming economic difficulties worked. Religiosity, a special internal discipline helped people in "labor" in the rear and at the front.

The recorded memories and biographies of relatives who lived during the war reveal the features of the system of overcoming difficulties, behavioral technologies and the specifics of local microhistory, the history of collective farms, the history of individuals, etc.the

Scope of the results is the sphere of education, science, culture, ethno – confessional and youth policy, civil society.

Keywords: heroism at the front, labor in the rear, latent reproduction of religion, anti-crisis behavioral technologies in the 1940s – early 1950s.

References

1. *Afanas'evskaya staroobryadcheskaya obshchina* – Afanasyevskaya old believer community. Available at <https://vk.com/groups>.
2. *Kniga pamyati* – Book of memory. Vol 1. Kirov. Adm. of Kirov region. 1993. 720 p.
3. *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressij* – Book of memory of victims of political repressions, Vol 1. Kirov. Kirov regional printing house. 2000. 518 p.
4. *Russkih A. A. Semejnij rod Russkih Vyatskogo kraja s 1700 goda: arhivnye materialy, vospominaniya* [Family generation of Russkih of the Vyatka region since 1700: archival materials, memoirs]. SPb. Polygraphic enterprise No. 3. 2008. 392 p.
5. *Senyavskaya E. S. Psihologiya vojny v XX veke: istoricheskij opyt Rossii* [Psychology of war in the XX century: historical experience of Russia]. M. ROSSPEN. 1999.
6. *Titova E. I., Trushkova I. Yu. Osobennosti peredachi kul'tury i mirovozzreniya staroobryadchestva molodomu pokoleniyu v XX v.: na primere Vyatskogo regiona* [Features of the transfer of culture and worldview of the old believers to the young generation in the XX century: on the example of the Vyatka region] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya. Pedagogika. Psihologiya. Pravo* – Herald of humanitarian education. Pedagogy. Psychology. Right. 2016. No. 1. Pp. 116–119. Elibrary ID: 26552378.
7. *Trushkova I. Yu., Balyberdin Yu. A. Transformaciya mental'nosti i etnicheskogo samosoznaniya naseleniya Vyatskoj gubernii vo vremya Pervoj mirovoj vojny: istoriya inoterritorial'nyh vliyanij* [Transformation of mentality and ethnic self-consciousness of the population of the Vyatka province during the First world war: the history of foreign territorial influences] // *Vestnik VyatGGU* – Herald of VyatSHU. 2015. No. 5. Pp. 24–30 Elibrary ID: 23923579.
8. *Trushkova I. Yu., Titova E. I. Knizhnost' u staroobryadcev Yuzhnoj Vyatki v 1920–30-e gody* [Bookishness among the old believers of southern Vyatka in the 1920s and 30s] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya. Istorija. Filologiya. Kul'turologiya* – Herald of humanitarian education. History. Philology. Cultural studies. 2019. No. 2. Pp. 68–75. DOI: 10.25730/VSU.2070.19.022.
9. *Trushkova I. Yu. Opyt preodoleniya ekonomicheskikh krizisov krest'yanskimi mikrostrukturami v rossijskoj provincii* [Experience of overcoming economic crises by peasant microstructures in the Russian province] // *Kryzysfinansowy. Vol. 1: przebiegiskutkigospodarcze w EuropieiWschodniej*. Lublin. 2012. Pp. 445–450.
10. *Trushkova I. Yu. Povsednevnyaya istoriya rossijskoj provincii v gody I Mirovoj vojny (na primere severnogo vyatskogo pogranich'ya)* [Everyday history of the Russian province during the first World war (on the example of the Northern Vyatka border region)] // *Vestnik VyatGGU* – Herald of VyatSHU. 2017. No. 5. Pp. 24–29. Elibrary ID: 29711660.
11. *Trushkova I. Yu. Etnopedagogika v kul'ture staroobryadcev Vyatskogo regiona* [Ethnopedagogy in the culture of the old believers of the Vyatka region] // *Staroobryadcheskij mir Volgo-Kam'ya. Problemy kompleksnogo izucheniya : sb. materialov* – Old believers' world of the Volga-kamya. Problems of complex study : collection of materials. Perm, 2001. Pp. 172–183.
12. *Polevyje materialy avtora (PMA), Afans'evskij r-n Kirovskoj obl, mart. 2020* – Field materials of the author (PMA), Afansyevsky district of the Kirov region, March 2020. File 1. Sh. 5–34.
13. *Farmakovskij M. Raskol v severnoj chasti Glazovskogo uezda* [Split in the Northern part of the Glazovsky uyezd] // *VEV* – VEV. 1889. No. 10. P. 247.